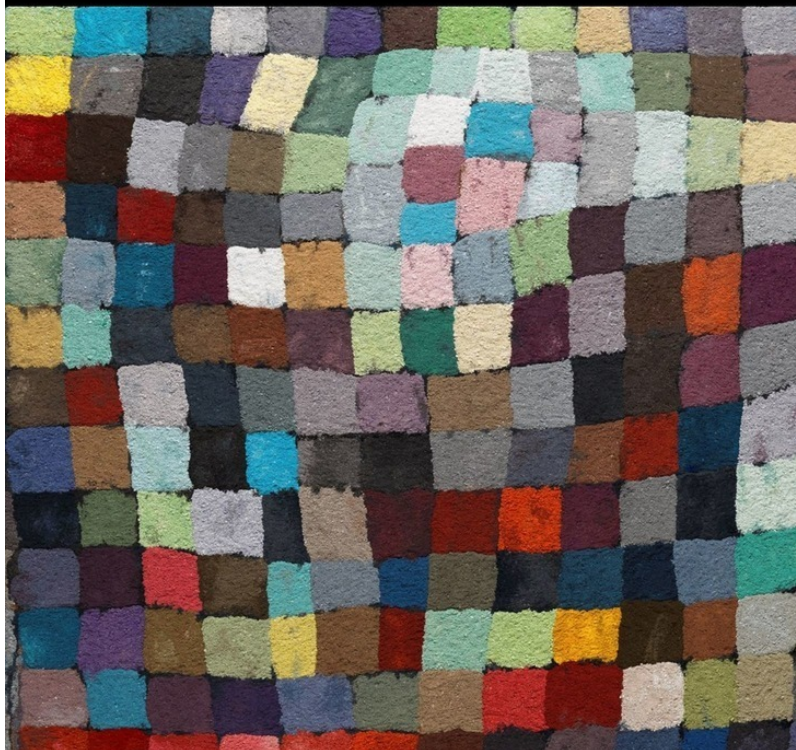

яков пятигорский
вторая

Яков Пятигорский

Вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42006523

ISBN 9785449651358

Аннотация

Здесь восемь рассказов в жанре, который условно можно назвать фантастическим. При этом ни один рассказ не похож на другой. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Самарра	5
Из американской истории	20
Военные записки	34
Июльская фантазия	47
Осенний вечер в Ялте	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вторая

Яков Пятигорский

© Яков Пятигорский, 2019

ISBN 978-5-4496-5135-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самарра

Он повел себя гулять в парк. Заботливо поддерживал, чтоб не упасть. Купил себе мороженое. Усадил на лавочку – греться. Слушал музыку из репродуктора. Все глазел и глазел по сторонам – чтобы в глазах не темнело, – отвлекал. Попил себя лимонадом. Порывался расколотить бутылку об асфальт, но запретил себе строго-настрого.

Наконец, наступила кульминационная часть: он затащил себя на карусель.

Меланхолия не казалась в эти минуты особенно неприятной штукой – он тыкал пальчиком в воздух, строил гримасы, раскачивал сиденье. Даже загыкал.

Продолжал кататься, еще и еще. И вот снова накатило. Да так, что подступило к самому горлу. И не остановилось. Мороженое. Лимонад. Музыка из репродуктора. Все смешалось. И нужно было быстро уходить оттуда, пока не заставили мыть. И он ушел. Но безуспешно.

Мыл – делал это в забытьи. Задел какие-то провода, где всегда искрило... А потом ушел. Навсегда.

И на прощанье обернулся. Окинул взглядом карусель... Она показалась ему чужой, словно он не провел здесь огромную часть своего бесконечного детства. Она показалась ему чужой, и даже не живой, как будто это была лишь тень карусели, уже ушедшей из этого мира.

Наверное, раньше – от предчувствия этого, – ему и стало так плохо. Вестибулярный аппарат расположен совсем недалеко от сердца...

В этой точке решилось, что лучше всего ему покинуть город и перебраться куда-нибудь по соседству. Где нет памяти. Где ничего нет... В соседний городок, например. Ему, наверное, понравится... Он почему-то и не был там ни разу...

И когда эта мысль прожила, он еще раз оглянулся. Из любопытства. Узнать, как выглядит карусель после того, как с ней попрощались навеки.

Карусель дымилась. Ее пытались потушить. Кажется, безуспешно.

Люди, схваченные меланхолией, без сомнения, опасны для мира.

Сказались недавние проклятые события, каждое – словно электрошок.

Первое: потеря друзей.

У него было всего два друга, Дима и Виталик. Они дружили с тех доисторических времен, когда по утрам в школу их приводили родители. Дима и Виталик были герметично закрыты. Они жили в своем собственном мире, одном на двоих. В контакт с остальным, чужим, миром они вступали только по принуждению. Ничего живого вокруг себя они не замечали.

Это не удивительно, такие ребята были и есть в каждой

средней школе, в каждом дворе. Тип хорошо знакомый детским психиатрам. Живут такие дети, как правило, на верхних этажах, подальше от земли. Смущают родительский покой. Возводят игрушечный замок вокруг своей души, не догадавшись пока, на что она им. Никто не знает, что там зреет внутри.

В их узкий круг он проник незаметно. У него был очень мягкий характер, почти воздушный – его не замечали, будто он был прозрачным. Он не мешал им – потом они привыкли.

Он тоже был замкнутым ребенком. Но в отличие от друзей, всегда это чувствовал. И знал, что замкнутость его – временное явление. Пока она нужна, для чего – он не знает, но нужна, а потом пройдет. Этот тип детскими психиатрами изучен гораздо хуже.

Диме и Виталику, похоже, на подобные чувства было наплевать. Они были проще.

Общение с ними – вот что было самым интересным. Оба непредсказуемы. Полны оригинальных идей, которые были не более чем приколами, картинками. Но разложи эти картинки в ряд – и увидишь в нем то самое движение – в неизведанное. И сопутствует человеку на этом пути вечная радость познания, наслаждение открытием, свежесть новизны.

...В выпускном классе эта неразлучная пара не на шутку увлеклась арабистикой и исламом. И раньше обоих гуманитариев влекло куда-то в этом направлении – они переболели индуизмом, средневековой схоластикой, древнегрече-

ской натурфилософией и, Бог вещь, чем еще. Но последнее увлечение захватило их всерьез. Настолько, что они регулярно стали посещать местную татарскую мечеть.

Нужно отметить, что этим лишенным рефлексии подросткам догматический характер ислама пришелся весьма по нутру. Ему же все это оказалось чуждо, и они стали отдаляться друг от друга. Вскоре после окончания школы Диму и Виталика забрали в армию, а его освободили по состоянию здоровья.

Оба попросились в Афганистан. Боже! Он понял, что они собираются уйти к своим, стать перебежчиками. Это означало, что больше он их никогда не увидит

Вот таким необычным образом он потерял друзей. И примерно в то же время он потерял свою единственную любовь.

С этой девочкой он учился в одном классе, как и со своими друзьями. У него даже получилось создать с ней какое-то подобие дружбы. Во всяком случае, она спокойно относилась к его обожанию. Без каких-либо эмоций – очень флегматичная девочка, хорошистка.

Если бы не ее красота, и ее самой бы не существовало. Вокруг них всегда царила тишина. Он мог часами монотонно рассказывать что-то из столь любимых им древней и средней истории. Она никогда не прерывала его. Его душа витала в облаках, ее – отдыхала в их тени.

Дружны они были до последнего дня в школе. Через два месяца после выпускного вечера она вышла замуж. Его серд-

це не было разбито. Оно онемело. Отныне в нем навеки поселилась неуютная легкая грусть.

После призыва друзей в армию он зашел к ней в гости – посидеть, поговорить, излить печаль. Явился муж – пьяный, с наколками на руках – не разобрался – и разбил ему лицо. А он первый раз в жизни обратил внимание, насколько мир равнодушен.

И тогда страшная прозрачная меланхолия окутала его.

Он больше никогда не пойдет на работу в краеведческий музей, где служил лаборантом. Ему стало нечем дышать. И он повел себя гулять в парк...

...Он шел по парковой дорожке. Погода вдруг испортилась. Стало прохладно и пасмурно. Накрапывал дождь. Он поежился. Затравлено осмотрелся по сторонам. Удивительно – люди вокруг были веселы и беспечны, как будто ярко светит солнце. Бегают детишки, брызгаются водой – как в жару. В шортиках, майках, панамках. Люди прикрывают глаза рукой – чтоб не слепили яркие лучи. Кто-то загорает на травке. Это в такой-то холод!

Его совершенно парализовало изнутри. Но снаружи все работало исправно: ноги шли, глаза бегали, мысли неслись мощным непрерывным потоком. Мозг лихорадочно обдумывал идею отъезда.

В ней имелся большой изъян. Не находилось *объективной* причины такому резкому поступку, считал мозг. *Фактиче-*

ски никакие обстоятельства не вынуждали его к переезду.

«Но мысль эта, похоже, была внушена свыше!»

«Спорно...»

Он поднял голову и вопросительно посмотрел в небеса. Как всегда – они были безмолвны. Тучки разбегались в разные стороны от него.

Он опустил голову. Земля рассыпана по асфальту. Размыло газоны во время недавней бури. На пнях сидели птицы, искусно вырезанные из дерева. «Как же мне быть?» Он подбросил монету. Она не возвратилась. «Не понял. Решка, что ли?»

Мешала напряженная работа сердца. «Отдохни! Зачем ты мне!» Мозг честно искал мотив. Зудели кости. Да, снаружи все работало на пределе. А внутри – вот только не понятно где – парализовало.

И он решил воспользоваться своим, с недавнего времени излюбленным, средством – успокаивающими таблетками. Ноги сами привели его на вокзал. Не мудрено – мозг не сходил с темы «ехать – не ехать». Таблетки начинали свое действие. Он спрыгнул с платформы и, клюя носом, поплелся вдоль составов. «Так ехать или нет?» – спросил мозг. «Ч... что?» – еле переспросил он.

Он залез в один из вагонов какого-то товарняка и отключился.

Той ночью товарный состав перегнали на соседнюю стан-

цию. Когда наш герой проснулся и выглянул наружу, он улыбнулся – ему стало легче дышать! Затем наступил шок – он понял, что в другом городе. Когда же он выяснил, что оказался именно в соседнем городке, куда собирался, – он расхохотался, вспомнив вчерашний свой мозг, что так жестоко изводил его. Мозг умер этой ночью. И больное вчерашнее сердце тоже. Вот так удачная поездка.

Сразу стало понятно, куда нужно идти. Конечно же, в местный краеведческий музей, устраиваться на работу. Лаборантом, как раньше. Какой смысл оставлять любимое дело?

И он пришел в музей. Хорошо, что документы он всегда носил с собой. Людей нигде не хватает, а тут явился лаборант с опытом. Милый неуклюжий юноша.

Ему устроили небольшой экзамен и приняли на полставки. Музейный историк Трофимов – сутулый долговязый человек тридцати лет, с грустными глазами – пригласил его в свой кабинет, предложил сесть. Он послушался и сел, достал из-за пазухи курицу, яйца, хлеб – всю снедь, что купил утром на перроне и к которой не притрагивался. Положил на стол. «Угощайтесь.» Трофимов снял с носа и протер очки. Складки на его высоком лбу разгладились. Он улыбнулся и убежденно сказал: «Вам понравится у нас!»

Трофимов принялся прикладывать всевозможные усилия к тому, чтобы молодому лаборанту и в самом деле понравилось. Он водил его по городу, объясняя на местности такти-

ку красных, белых, и различных казачьих банд, использовавшуюся при захвате города. Он клялся, что этот городишко был абсолютным чемпионом по количеству переходов из рук в руки. Двадцать один раз менялась здесь власть.

Оказывается, до революции далеким предкам Трофимова – уездным дворянам – принадлежало немало городских зданий. Историк чувствовал себя хозяином здешних мест. В духовном смысле, конечно. Других смыслов он не понимал.

Трофимов показал древние городища, курганы и могильные надолбы. Он пылко пересказывал довольно мрачные поверья, связанные с этими осколками древности. Местные жители боялись их, обходили стороной, приписывали им дьявольские свойства. Кто спал в кургане – получал силу, так считали в народе. «Разве не великая философия?» – спросил Трофимов, загадочно улыбаясь.

Он показывал музейные хранилища, переполненные останками доисторических существ. Самым потрясающим из содержимого хранилищ был остов огромного существа, по виду напоминавшего динозавра. Но из объяснений, которыми захлебывался Трофимов, следовало, что по своим параметрам это существо могло быть единственно драконом, мифическим зверем, причем однозначно китайской разновидностью. Смешно: Трофимов почему-то величал этот секретный экспонат «антисоветчиком».

...Вечером они сидели в архиве. Здесь историк работал

с материалами для своей книги о хазарах. Он утверждал, что Поволжье – стык Запада и Востока – одно из благодатнейших мест для исторических исследований. Хотя бы потому, что наименее изучено.

Здесь же он рассказал загадочную историю о том, как городок превратился в арену кладоискательской лихорадки.

Около пяти лет тому назад в местные органы обратилась одна местная жительница преклонного возраста. Незадолго до того умер ее дед. На смертном одре он открыл ей, что в тридцатые годы спрятал под памятником Ленину сокровища, накопленные несколькими поколениями его предков. «Очень много денег», – шептал он в предсмертной агонии. Еще старушка поняла из его бормотания, что клад лежит в том месте, на которое указывает рука статуи.

Была создана следственная комиссия, в задачу которой входило выяснить, насколько рассказ о кладе соответствует действительности. В расследовании участвовал, конечно, и Трофимов. Дело было нелегким, но Трофимов был опытным архивистом-аналитиком. Пришлось сделать множество запросов в секретные архивы КГБ.

В целом рассказ женщины совпадал с реальным положением вещей. Старик этот, как выяснилось, был потомком богатейшего рода, единственным наследником огромного состояния. После революции ему удалось выжить лишь с помощью обмана – он жил по поддельным документам. Но от ла-

герей это его не спасло – он попал туда, если так можно выразиться, «в общем порядке». Он провел на Севере почти двадцать лет, чудом выжил.

Параллельно Трофимов выяснял и судьбу сокровищ этой семьи. После революции эти сокровища бесследно исчезли – как в воду канули. Никаких зацепок. Ни у нас, ни за границей. Так что история, рассказанная старухой, имела право на жизнь.

Тогда приступили к поискам. И сразу же наткнулись на сильнейшее препятствие. В городе был всего один памятник Ленину. Казалось бы, это сильно облегчает задачу. Но ни одна из его рук не указывает вниз. Старуха клялась и божилась, что ее дед так прямо и сказал: куда указывает рука Ленина.

Все перекопали в радиусе двадцати метров вокруг поста-мента. Привлекли саперов. Произвели радиоанализ. Никаких сокровищ не нашли. Проверили все остальные памятники в городе. Пустота. Суглинок. Ничего. Пришлось закрыть дело.

Но тут в городе прознали про клад. И началось. Асфальт на площади вокруг памятника был разворочен, не успевали класть новый. Все было обкопано, памятник осел. Рядом с площадью постоянно дежурил наряд милиции.

Когда подтвердилась причастность милиционеров к незаконным раскопкам – стало понятно, что ситуация вышла из-под контроля. Вокруг остальных городских памятников на-

род тоже проверил почву – на всякий случай. Потом случилась сенсация – прошел слух, что кто-то все-таки нашел деньги. И это было правдой. Один из кладоискателей действительно обнаружил большую пачку червонцев шестидесяти первого года выпуска, но от переживаний получил нервный срыв и попал в больницу.

– Вот, собственно, и все, – сказал Трофимов. – Ну как, впечатляет?

– Ничего себе история, – изумленно прошептал наш герой.

И он пошел посмотреть на траншею собственными глазами...

– ...Как пройти к памятнику Ленину? – спросил он у какого-то забулдыги.

– К маятнику? К какому маятнику? Не понял я вас что-то, – переспросил забулдыга.

«Боже, – подумал наш герой, – да здесь все сошли с ума. Да, это мой город...» Но памятник нашел.

И правда: Ленин указывал правой рукой вперед – в светлое коммунистическое будущее – левой же держался за лацкан пиджака. Вокруг памятника вся почва была испещрена гигантскими кротовыми норами.

– Надо же, какую красоту испортили! – в сердцах воскликнул он.

Трофимов, знавший каждый закуток в городе, легко на-

шел ему место для ночлега. В одном из музеев-усадьб было удобное подсобное помещение, имевшее к тому же черный ход.

Он разделся, потушил свет и лег в кровать. В окно светила Большая Медведица. Он размышлял о кладах. «Странная история. Клад лежит там, куда указывает Ленин, а он тычет в небо. Вот у нас в городе на центральной площади стоит Ленин – одну руку он тоже вперед выбросил, а вторую вниз опустил. Только при чем тут наш Ленин? Ни при чем. Хотя, может быть, старик не успел сказать, в каком городе – умер быстро. И потом, наш город – областной центр. Вероятность больше... Господи! Какая еще вероятность? Что за бред я несу! Засыпать надо скорей...

А все-таки *это было бы красиво*. Я приехал в другой город, – фантазировал он, – узнал, что здесь зарыт клад, понял, что он зарыт в *моем* городе, возвратился к себе, и вырыл его. Это ужасно напоминает суфийскую легенду из книжки, которую мне давали читать Димка и Виталик. Там в одной из легенд человеку снится сон, что в соседнем городе у ворот зарыт клад. Человек едет в соседний город, и у ворот его спрашивает стражник, откуда он прибыл. Тот отвечает, что из соседнего города. Ха, – говорит стражник, – охота людям ездить в такую даль! Мне, – говорит, – на днях сон приснился, что в вашем городе во дворе у такого-то зарыт клад, так я и то не еду. Путник, услышав свое имя, разворачивается и едет обратно – выкапывать клад, зарытый в его дворе.

Красивая легенда. Наша ситуация, конечно, чем-то похожа, да не совсем...»

«Но что-то я расфантазировался, пора бы и спать», – подумал он. Однако сон упорно не шел. Может быть, из-за Большой Медведицы... Он стал вспоминать Димку и Виталика, потом книжку суфийских легенд, которые жутко ему нравились. В них часто фигурировал ближневосточный город со странным именем, похожим одновременно на Содом и Гоморру. Как же он назывался? А, Самарра.

Он буквально подпрыгнул на кровати. «Но, ведь... мой-то город называется Куйбышев! И это ведь не настоящее его имя! Настоящее – Самара! САМАРА! Это что, по-вашему, не знак? И потом, этот дед, что его закопал, был, скорее всего, образованным человеком – кто знает, не имел ли он в виду... нет, это слишком сложно. Нужно проверить...»

Сон ушел навеки. Он стоял у окна и размышлял. Над ним висела Большая Медведица.

«В Куйбышеве больше двух дней оставаться не буду. Проверю – и обратно к Трофимову. Вот так».

...Когда он вышел из вагона поезда, город еще не проснулся. Весна вязла на зубах. Небо еще не обрело самый синий из своих оттенков, и скромничало солнце. Когда он шел по перрону, на него навалилась старая боль, дала в кости, мышцы, пробудила волю к жизни, и проснувшийся мозг сказал:

– Да. Это, конечно, любопытно. Это ужасно интригует. Но правильно ли, вот так, с бухты-барухты, идти на центральную площадь и рыть там землю? А если там везде асфальт – разве я смогу под него прокопать? А сколько еще препятствий может возникнуть...

Под этот несмолкающий аккомпанемент он добрался до интересующего его места. Площадь заасфальтирована. В метре от памятника – люк. Опущенная рука указывает прямо на его крышку...

Мозг еще шептал всякие глупости – про люки, про государственные законы, но боль – оставила его. «Мне нужен знак? – спросил он свой мозг. – Добрый знак? Я правильно понял? Ну что ж, настало время проверять.»

И он приехал к ней. Позвонил в дверь. Открыл муж, который буквально только позавчера участвовал в опознании его тела, после пожара на карусели в парке. Как только он увидел призрак, ему стало плохо – человек он был пьющий, сердце слабое. Он слегка осел на пол. А гость перешагнул через него, прошел вглубь квартиры...

Не знаем, что там дальше произошло, но из дома он вышел с огромной лопатой в руках.

«Какие еще добрые знаки мне нужны? Или хватит?» – мысленно воскликнул он, обращаясь к вражескому предмету у себя в голове.

«О! Хватит знаков», – отчеканил мозг и пропал среди зданий.

...Когда он купил газету, сел на лавочке в каком-то сквере, и раскрыл ее, – он понял, что насчет знаков можно было не беспокоиться. В газете сообщалось о выводе советских войск из Афганистана. «Ах, как хорошо, – бормотал он, читая газету, – наконец-то, исправлена ошибка...» Он имел в виду не ту ошибку, которую совершило советское правительство, развязав захватническую войну против свободного народа. До этой ошибки ему не было никакого дела.

Он имел в виду ту досадную ошибку, которую допустила Судьба (Провидение, Фатум, Нечто), забрав у него друзей ради абсолютно его не устраивающего вpletения их судеб в абсолютно его не устраивающий мировой план – который, как известно, ни к чему хорошему не ведет.

А ночью он пришел к площади, вооруженный лопатой, поднял крышку люка, и стал выкапывать песок...

В соседнем городке рухнул подрытый со всех сторон Ленин. Перестройка входила в зенит. Наших героев это не интересовало, потому что их не интересовали чужие судьбы – оттого они и стали нашими героями.

Из американской истории

Так начиналась великая битва у Лысых Пирамид.

Две армии выстроились друг против друга, воины ждали сигнала к бою. Гуантамок завершил осмотр войска, дал последние указания офицерам и поднялся на возвышенность, чтобы подать сигнал к атаке.

Он взглянул на вражескую армию – лес знамен, боевых перьев, вздернутых копий... Что-то еще, какое-то невидимое оружие скрывалось в гуще вражеского войска – Гуантамок никак не мог понять, что это.

Командиры с тревогой поглядывали в сторону своего начальника, нервно сжимая рукояти мечей. Воины переминались с ноги на ногу.

Из-за Пирамид показался краешек солнца. С испугом главнокомандующий смотрел на него – то был злой свет.

С усилием он отогнал непонятные, непрошенные мысли.

«Что-то не то происходит. Но что?»

Он вспомнил: нынче утром...

Нынче утром в окружении своих офицеров он шагал по желтым плитам центральной площади Чезилитлана – столицы империи, жемчужины в ожерелье городов, любимого дитя Чичелькоятля.

Широкая площадь была окружена светлыми дворцами –

их резные фасады были украшены золотой инкрустацией. Днем площадь превращалась в огромный рынок. Сюда съезжался люд со всей империи. От обилия запахов кружилась голова. От густого шума глохли уши.

Воины шли на войну. Толпу гипнотизировала боевая раскраска, слепило сверкавшее на солнце оружие.

Народ расступился, освобождая дорогу. Увеселительные аттракционы и прилавки были растащены в стороны. Толпа провожала солдат криками, хлопками в ладоши, свистом, барабанным боем.

Какая-то женщина выскочила из толпы и побежала прямо к Гуантамоку. Он остановился. Офицеры схватились за оружие.

Женщина была молода, но выглядела дряхлой старухой. Кожа ее была сморщена, редкие волосы свешивались длинными грязными прядями. Лохмотья еле прикрывали тощее тело.

– Ах, вот ты где, негодный мальчишка! – закричала она на главного военачальника империи. – Все утро тебя ищу! – она размахивала руками у самого лица Гуантамока, норовя отвесить ему пощечину. – Ты собрал милостыню? Опять нет? Твой маленький братик не ел уже целых два дня! Ты хочешь, чтобы он умер с голоду?

Толпа ахнула.

Все знали эту женщину. Она жила на улице, рядом с площадью, спала на земле и во сне пела песни на неведомых

языках.

Женщина эта была безумной уже давно, с той поры, как умер ее младенец.

Рыночным торговцам и храмовым служкам иногда приходилось насильно кормить ее, потому что сама она никогда не ела – прятала пищу для своего ребенка.

И она все время искала его. Искала, искала...

А сегодня нашла.

Это произошло на глазах у всех. И это был очень плохой знак.

Один из офицеров выхватил свой меч и взмахнул им, чтобы разрубить безумицу пополам.

– Стой, – сказал Гуантамок.

Офицер испуганно посмотрел на своего командира.

– Ты должен пойти и украсть лепешки, чтобы накормить своего маленького братика, – захрипела женщина, опускаясь на землю. Голос ее стал совсем глухим. – Сегодня твой маленький братик умер от голода... – остекленевшим взглядом она искала что-то между плит мостовой.

Потом она села и тихо заплакала, водя ладонью по плитам. Полководец опустился на колени рядом с ней.

– Мама, я все сделаю, как ты говоришь, – сказал он. – Сейчас я пойду и украду лепешки. Ты только не плачь...

Он погладил ее по голове. Толпа снова ахнула. Женщина успокоилась и теперь лишь что-то тихо мычала.

«Я понял – ты здесь, – обратился полководец к кому-то

невидимому. – И что теперь?»

Он сидел на корточках, гладил женщину по голове, и внимательно следил за бегущей по земле точкой. Это была тень орла, парившего в поднебесье над городом. Она скользила по мостовой, по телам людей, ныряла в тени и снова показывалась на свет – делала круги вокруг него, Гуантамока. Он не сводил с нее взгляда. Но вот точка заскользила прочь и скрылась в толпе.

Рука, гладившая голову женщины, замерла. Гуантамок посмотрел вверх над собой. Затем выхватил из ножен меч. Взмахнул им. Что-то просвистело над головами. Все обернулись. Невдалеке, на стене одного из зданий, что окружали площадь, размазался орлиный помет.

Воин убрал меч в ножны.

Толпа ахнула в третий раз.

«Хорошо, – снова беззвучно обратился к кому-то воин. – Ты послал орла, чтоб он обгадил меня. Толковая работа. Я знаю, что ты здесь, Повелитель Трусов. Давай покажись! Я тебя давно уже не видел.»

– Ну! Где же ты, Чиппуль? – тихонько позвал он.

Но ничего не произошло. Воздух был чист и прозрачен...

И теперь точно так же воздух был чист и прозрачен.

– Чиппуль? – прошептал воин.

Он прищурился, глядя на восходящее солнце. В воздухе перед ним как-будто стал набухать прозрачный силуэт. Гу-

антамок присмотрелся.

– Это ты? – прошептал он.

Нет, показалось. Этот бог является, только когда его не ждешь.

Но все равно он был где-то здесь.

Гуантамок нахмурился. Он подобрался и грозно посмотрел на вражеское войско. Сейчас он подаст сигнал.

Холм толкнул его. Гуантамок едва удержался на ногах.

Он посмотрел на землю, на солнце, на вражескую армию, и зашипел как змея. Спрыгнул с холма, развернулся и пошел обратно в сторону лагеря.

Ропот пронесся по всему войску.

Подойдя к шатру главного колдуна Вецилопочли, полководец отогнул полог и шагнул внутрь.

Сквозь полумрак шатра он с трудом разглядел седого чернотубого старика. Тот сидел возле небольшого красного костра, в недрах которого бегали мелкие животные. Над головой колдуна парил бледный череп, по стенкам шатра шуршали невидимые духи предков. Здесь было зловеще и сыро.

Вецилопочли поднял голову и приветствовал воина. Тот поклонился в ответ. Колдун кивком пригласил его сесть. Гуантамок подошел к костру и присел на корточки. Лязгнула дюжина клинков, которыми он был обвешан. Колдун взглядом приказал ему говорить. Гуантамок сказал:

– Объятый ночью! Я не чувств...

– Не чувствуешь победы? – скрипучим голосом перебил

колдун. – Очень хорошо. Ты можешь победить и без этого чувства, Брат Страха.

Гуантамок сказал:

– Войско тлалоков в три раза больше моего, Трижды Мертвый. Может быть, и еще больше – холмы скрывают его края.

– Ты всегда любил брать малыми силами, Пожиратель Воинов, – заметил колдун.

Гуантамок сказал:

– Я чувствую, что мой дух побед истощился. Его нет, Недруг Богов.

Вецилопочли недовольно замотал головой.

– Ты не умеешь проигрывать, Укус Орла, – отрезал он.

– Но сегодня ко мне явились веселые боги сомнений.

Они... превра...

– Превратили тебя в глину? А ты их видел при этом? – спросил колдун.

– Нет, – ответил Гуантамок.

– Может быть, ты слышал их? Они что-то тебе шептали?

– Нет. Их словно бы и не было, – сказал Гуантамок.

– М-м. Значит, они серьезно за тебя взялись... – покачал головой колдун.

– Что мне теперь делать, Полуденная Тень?

– Пойти и разбить этих... – колдун щелкнул пальцами, – тлалоков, сжечь их память, и смеяться вместе с богами – вот что нужно тебе делать, Дырявящий Толпы.

Гуантамок подался вперед.

– Мне нужна твоя помощь, Глас Тишины.

– Обсидианоногий, ни о чем не проси меня, – недовольно пробурчал колдун. – Возьми трубку, покури и ступай сражаться.

Гуантамок взял длинную глиняную трубку и втянул в себя дым.

Колдун выхватил из огня одного из пылающих зверьков и кинул его себе в рот. Из его ноздрей повалил дым.

Гуантамок понял, что пора идти. Страшно гремя клинками, он вскочил с корточек, выбежал из шатра и, не останавливаясь, ринулся на врага.

Увидев это, его воины двинулись было вперед, но снова замерли. Они ждали знака от своего командира.

Гуантамок был уже среди неприятельского войска. Его скорость была столь высока, что вражеское оружие не задевало его. Легко увертываясь, а иногда невидимым движением руки ломая чей-то клинок, Гуантамок вскоре оказался в самом центре чужой армии. Тлалокские воины в изумлении расступились, а Гуантамок простер руки к небу, выдохнул дым колдуна, и закричал.

Это был страшный крик, который пришельцы-тлалоки еще ни разу не слышали, но на Юкатане знали все – и все исправно платили дань императору Чичелькоятлю, повелителю и родному дяде Гуантамока.

Воины императора Чичелькоятля, услышав крик своего

командира, весело и зло бросились в битву.

Тлалоки были хорошими воинами – иначе как бы они прошли сквозь десяток воинственных племен Юкатана, – но их полководцы не были такими страшными, как Гуантамок, и гибли быстро. Поэтому тлалоки вскоре стали проигрывать сражение, заливая землю своей кровью.

Но тут-то, наконец, явились они – боги сомнений, и стали нашептывать герою разные странные вещи.

Вот и главный бог Чиппуль, всегда являющий людям свое самое мерзкое, бесполое, смешливое лицо. Вот он рассказывает Гуантамоку, что его дядя император стал бояться его силы, а потому предал его тлалокам.

Доказательством этому служит письмо императора тлалокским вождям.

– Оно лежит в шестом шатре второй линии тлалокского лагеря. Ты можешь сходить и проверить прямо сейчас!

Но улыбка войны не сошла с лица полководца. Три года назад в битве у Гиблых Болот хитрые накатли уже использовали подобную уловку. Она не спасла их, а также их жен и детей. Из их костей был выстроен огромный дворец.

Тогда боги сомнений наслали на Гуантамока безумие. Он увидел, что вовсе не солдат, – а беззащитных детей! – кромсает он своим мечом. Зрелище было настолько реальным, что любой воин, увидев такое, выкинул бы оружие и, в ужасе упав на колени, завыл бы, как койот.

Но Гуантамок лишь отбивал подлетавшие к нему стрелы.

Он рубил чужих солдат и смеялся – он вспомнил, что точно такой же маневр использовали колдуны во время сражений с пришедшим с Севера народом Поммпух. Этого народа больше нет. Есть только Гуантамок и император Чичелькоятль.

Так было всегда. Не было ни одной битвы, где не пытались бы ввести в заблуждение великого воина. Много лет терзали его разум. То во время сражения ему казалось, что он безоружен. То – что дерется против своих. А однажды ему создали иллюзию, что он убит... Больших усилий стоило ему каждый раз противостоять наваждениям. Но он привык – у него не было выбора.

И он увидел, как бог сомнений разгневался и сказал:

– Мы все равно не дадим тебе выиграть сегодня, Гибнуший в битве!

Тогда Гуантамок сказал:

– Поторопитесь. Ибо скоро я закончу войну с тлалоками.

Как только он сказал это – тлалоки исчезли, и не с кем стало биться. Исчезла и его армия, и оба лагеря тоже. Остались только горы трупов, рассыпанных по долине у подножья Лысых Пирамид. И Гуантамок, стоящий посреди мертвых тел и готовый отразить любой внезапный удар.

Он стоял и ждал очень долго. Он спросил у богов сомнения, что все это значит. «Скоро узнаешь», – ответили боги. Он ждал – не мог же он уйти с поля битвы, не одержав победы. Он ждал трое суток, бродил по полю, затем стал за-

сыпать, и еще одни сутки ждал во сне. А потом провалился в небытие...

«На чем же они меня поймали?» – думал Гуантамок, очнувшись в каменной темнице, испещренной тлалокскими знаками, которые он не умел читать. Стены темницы были покрыты мхом, пол тоже, окон не было. Он осмотрел себя – на нем не было никакой одежды. «Глупцы, – усмехнулся гордый воин, – они не знают кодекса. Они думают, что я могу себя убить. Но тогда я легко свернул бы себе шею. Тлалокские глупцы.»

В воздухе над ним возник полупрозрачный бог сомнений с вечной своей мерзкой улыбкой. Он не собирался скрывать своего торжества.

– Я вижу, тлалоки решили даровать мне позорную жизнь, Пятая Нога, – с горькой усмешкой сказал Гуантамок.

– Да. Теперь воевать будут другие, Опавший Лист.

– Пленных солдат уже казнили, Брат Шакала?

– Нет, Лопнувший Пузырь, их казнят завтра. Но ты прав – нет смысла оставлять их в живых. Твои воины слишком горды. При первой же возможности они все равно убьют себя. Поэтому завтра у меня будет веселый пир. И у всей моей семьи – богов сомнений и демонов нерешительности.

Чиппультуль облизнулся в предвкушении крови.

– Да, вы собрали большой урожай, Цари Гиен, – сказал Гуантамок. – Но я не могу понять, как вы сумели обмануть

меня на этот раз. Ведь такое вам еще ни разу не удавалось. Куда делась моя сила? Почему я ничего не видел?

Бог почти прикасался к Гуантамоку.

– Ты не понимаешь – поэтому ты здесь, – мягко и ласково сказал он.

Гуантамок молчал.

– Если ты сбежишь, – продолжал глумиться Чиппуль, – то тебя по закону принесут в жертву. В империи Чичелькоятля проигравшего полководца всегда приносят в жертву!

– Но об этом я и мечтаю... – пробормотал напряженно размышлявший Гуантамок.

«Как же долго я с тобой воюю! – подумал он. – И как ты мне надоел!»

И в этот момент он, наконец, понял, что ему мешало.

– Тебя не должно быть, Уходящий в землю! – воскликнул он.

Протянув руки, тлалокский пленник задушил бога. Он снял с его шеи амулет из змеиных зубов, взглянул на него и сказал:

– А вот это я должен принести Вецилопочли! И пока не принесу – не погибну.

Дав клятву, он отцепил от пояса Чиппуля пилку для ногтей. Он засовывал ее во все трещинки в стенах до тех пор, пока не обнаружил одну, куда пилка вошла глубоко. Сильным рывком он потянул пилку вверх – снаружи открылась щеколда.

Варварское изобретение. В узницах Чичелькоятля замок не откроешь пилкой, даже если это пилка бога.

Гуантамок толкнул дверь и вышел наружу. Молниеносным движением он выхватил оружие у стражника и закричал. Его воины закричали в ответ, и Гуантамок пришел на их крик. Он перерубил замок их темницы пополам...

Они сражались несколько часов, шаг за шагом выбираясь из темницы, пока не пали все кроме командира.

Гуантамок был ранен стрелой в бедро. Тело стало щипать. Сердце пыталось остановиться. Воин понял, что стрела отравлена. Но он клялся, что не погибнет, пока не увидит колдуна. Он перестал обращать на рану внимание.

Притворившись тлалокским прокаженным, Гуантамок сумел выйти из вражеского лагеря. Он долго шел по джунглям, ориентируясь по цвету лиан. Когда он увидел каменную дорогу, проложенную среди полей маиса, то понял, что начались владения его императора. Вскоре он добрался до пограничного городка Аконко.

– Вернулся Гуантамок, презренный трус, пища койотов! – закричали местные жители, увидев его.

Такой была формула, которую все были обязаны произносить при виде полководца, который проиграл битву и попал в плен.

Затем его омыли, одели в лучшие одежды, устроили в его честь пир на центральной площади города, и выделили ему

эскорт солдат. Торжественно вступил он в город садов и каналов – Чезилитлан.

Слух о возвращении полководца уже дошел до столицы – на вершине священной пирамиды, что стояла посреди города, уже дымился жертвенный костер. Когда Гуантамок прибыл во дворец, его встретил сам император Чичелькоятль, сидевший на огромном троне в одеянии из платиновых чешуек. Увидев воина, он произнес положенную формулу:

– Койот будет съеден орлом! Раскрасьте его кровью и напоите божественным ксесметлем!

Слеза скатилась с его щеки при виде любимого племянника.

Гуантамок засмеялся и сказал:

– Орел не съест койота, пока я не увижу Вецилопочли.

Его привели в дом колдуна. Гуантамок вошел в полумрак. Вецилопочли, как всегда, сидел перед кроваво-красным костром. Кивком он пригласил гостя сесть. Гуантамок опустился на корточки. Колдун выплюнул пылающего зверька в костер.

– Я убил Чиппуля, – сказал Гуантамок, – вот его амулет.

И он протянул колдуну цепочку из змеиных зубов.

Вецилопочли взял ее, внимательно рассмотрел, и сказал:

– Наконец-то ты убил этого надоедливого бога. Ну – так значит, больше никто тебе мешать не будет.

И колдун засмеялся своим лающим смехом.

Улыбнулся и тлалокский беглец. Он сказал:

– Я хотел, чтобы ты знал это. Поэтому я здесь. И теперь я спокоен. На вершине пирамиды горит огонь, и койот идет к орлу.

Колдун фыркнул:

– Орел сыт. А тебя ждут враги.

И он указал сухим когтистым пальцем на полоску света в стене.

Гуантамок вырвал тлалокскую стрелу из своего бедра. Встал с корточек – клинки издали звон. Он отворил полог шатра, вышел наружу и повел войско в бой.

Так началась великая и кровавая битва с тлалоками у Лысых Пирамид.

Военные записки

Древнее проклятье солнцеликого змея Ту Кхе тысячу лет топило Поднебесную в крови.

В эпоху Бингао тринадцать из двухсот шестидесяти её княжеств были завоеваны южными Нянг. Среди оставшихся двадцать восемь сильнейших подчинили себе остальные.

В эпоху Ляо двадцать восемь княжеств Поднебесной были объединены в семь царств. Вот их имена – Лю, Гоу, Вэй, Мо, Чжао, Ци и Хань.

Но и между ними не прекращалась война – и не было ей ни конца ни края.

В те времена лишь одна доблесть была ведома дворянам – воинская, и лишь одно занятие признавало за собой благородное сословие – войну. Кодекс чести предписывал царям до победного конца воевать с любым из своих соседей – либо сложить голову. Полководцам кодекс чести предписывал преданно служить своему повелителю до победного конца – либо сложить голову. Дворянам кодекс чести предписывал преданно служить своему полководцу до победного конца – либо сложить голову.

Других предписаний не существовало.

Семь царств сражались друг с другом не на жизнь, а на смерть. Но хоть и бились они со всевозможной яростью, ни одно не могло добиться успеха.

И так продолжалось до тех пор, пока на престол Ци не возшел мудрый Лунь Хэ, у которого в жилах, по слухам, текла лисья кровь. Он объявил, что Ци не будет больше воевать ни с кем.

Сначала удивились шестеро его соседей-царей. Потом разгневались и назвали Ци слабаками, бабами и вырожденками. Но вдруг узрели выгоду: с пятью воевать легче, чем с шестью. И решили оставить Ци в покое – до поры до времени.

Так был заключен между Ци и шестью царствами мир. И было такое впервые в Поднебесной.

Лунь Хэ призвал полководца Фэ Хоу и освободил его от присяги.

Спросил Фэ Хоу царя:

– Государь, вы могли бы легко завоевать все шесть царств, но отказываетесь. Какова же причина?

Сказал Лунь Хэ:

– На это указывает великая книга судеб Ши Бао. Кто мы, чтобы прекословить ей?

И больше ничего не стал объяснять Лунь Хэ.

Он сказал:

– Фэ Хоу, ты величайший полководец, какого когда-либо рождала Поднебесная. Твой путь – путь воина. Я не вправе отнимать у тебя твое ремесло. Теперь ты можешь присягнуть на верность любому из царств – тебе остается только выбрать, какому.

Послушался Фэ Хоу царя и покинул пределы царства Ци. Вскоре он присягнул на верность Жуань Жэню, царю Хань.

С тех пор чаша весов стала клониться в сторону царства Хань. В скором времени были им завоеваны царства Лю, Вэй, Гоу, Чжао и Мо. Жуань Жэнь провозгласил себя императором.

Так началась эпоха Хань.

Впервые наступил а Поднебесной мир.

Северные варвары – каланы, даюры, чжулени, и все остальные – лишь поглядывали в трепете на плодородные долины и взгорья империи и более уже не решались вторгаться в ее пределы. Морская держава Юрё разрывалась во внутренних междоусобных распрях. А против южных Нянг император велел построить великую стену.

Мир воцарил в Поднебесной.

Вместе с миром наступило процветание. Чиновники стали носить шелковые халаты, а крестьяне заменили деревянную посуду фарфоровой. Построил себе Жуань Жэнь хрустальный дворец, повернул вспять реку Гань-Жу, и повелел возводить посреди империи небывалую пагоду до небес. Отрядил он флот на поиски чудесной рыбы Ю-И, что древнее самого мира и живет в сердцевине морей – с тем, чтобы отнять у нее волшебную страну Фу, которую проглотила она на заре времен.

Сначала радовался император, восседая на троне в хру-

стальном дворце, а потом стал хмуриться. Все в Поднебесной принадлежало ему – кроме царства Ци, с которым у него был заключен странный и непонятный мир.

Призвал владыка своего полководца Фэ Хоу и повелел ему:

– Собирай войско и ступай завоевывать Ци.

Так продолжало действовать проклятие солнцеликого Ту Кхе, которое наложил он на жителей Поднебесной за их высокомерие и нежелание следовать Пути.

Побелел Фэ Хоу. Вышел он из дворца и отправился в горы Су Тянь. Там он поймал бабочку, занес ее в пастушью хижину, что на склоне горы, и стал ждать сумерек. Бабочка долго порхала по хижине, а когда устала, уселась на ручку чайника и сложила крылышки – в тот час перед Фэ Хоу возник мужчина средних лет в засаленном халате, с блестящей лысиной и огромным пузом. Он держал в руке бутылку с рисовой водкой и лучезарно улыбался.

Это был знаменитый философ и великий бражник Шубаньши, про которого было известно, что в беседе с ним самые мудрые выглядели, словно неразумные дети, а глупцы смотрелись достойно и затмевали собеседника остротой суждений.

Поклонился Фэ Хоу и молвил:

– Здравствуйте, дяденька.

– Привет, – ответил Шубаньши. – Выпить хочешь, сынок?

А то больно ты бледен.

– Не откажусь.

Фэ Хоу отхлебнул водки и сказал:

– Император приказал мне воевать с Ци. Я давал ему при-
сягу.

– Еще водки? – спросил Шубаньши.

– Чуток, – кивнул Фэ Хоу.

Он пригубил и сказал:

– Я родом из Ци.

Шубаньши промурлыкал с одобрением:

– О! Всю жизнь я встречаю людей из Ци, а сам ни разу
там не был.

Полководец вопросительно посмотрел на старенького загадкогоговорителя. Тот сделал странный жест, больше всего напоминающий энергичное вытирание рук полотенцем.

– Вы думаете? – с сомнением качнул головой Фэ Хоу.

– Ага! – весело кивнул мудрец. – Ты обязан выполнять волю повелителя – выполняй ее. Ты хочешь защищать свою страну – защищай ее. Нормальный Путь. Не хуже чем у дру-
гих.

– Раздвоиться... – задумчиво пробормотал воин.

– На свете есть не только Инь... – сказал Шубаньши. –

А такому Пути кое-кто позавидовал бы.

И тут Фэ Хоу порозовел.

– Дайте-ка, – протянул он руку.

– Ага, – довольно крикнул Шубаньши. – То-то! Сам

на женьшене настаивал.

Но, видно, полководец сделал слишком резкое движение – и бабочка проснулась. Она взмахнула крылышками – и великий Шубаньши исчез.

Фэ Хоу возвратился в столицу, прекрасный Пу-Цзин, и собрал войска в поход на Ци.

В то же время он послал в столицу Ци, славный Шань-Донг, тайное сообщение, в котором предупреждал, что Хань вторгается в Ци. Фэ Хоу предлагал свою помощь родной стране.

Он напомнил о том, что армия Хань в три раза больше армии Ци, и нет смысла вступать с ней в сражение. Фэ Хоу советовал населению Ци как можно скорее покинуть города, включая столицу, вывезти все, что представляет какую-либо ценность, и надежно спрятать. Все остальное следует предать огню – сжечь все города и все деревни – чтобы врагу не досталось ничего. Населению предлагалось надежно укрыться в лесах и горах и перейти к всенародной партизанской войне.

А для того, чтобы послание достигло своей цели, у Фэ Хоу имелись лучшие гонцы на свете. Они умели становиться невидимыми, проходили сквозь любой заслон и всегда являлись первыми.

Это было важно, потому что Фэ Хоу приказал самым тщательным образом выслеживать и ловить гонцов.

Правда, это не помогло. Гонцы и вправду были лучшими.

Когда армия Хань вошла в пределы царства Ци, она не встретила никакого сопротивления. Границы были открыты. Солдаты натыкались на пепелища от сожженных дотла деревень. По мере того, как армия приближалась к столице, учащались нападения партизан на фланги и арьергард. То в глухом лесу из-за стены деревьев проливался дождь из стрел, то на горном перевале происходил обвал. Войска Хань беспрерывно несли потери.

Фэ Хоу усилил защиту обозов – остаться без провианта в обескровленной и враждебной стране означало подписать себе смертный приговор.

Вскоре императору доставили радостную весть: армия Хань заняла столицу Ци. Воины императора вошли в опустевший и выжженный дотла Шань-Донг.

Теперь Хань владела всей Поднебесной. Но в стране Ци продолжалась партизанская война – и велась успешно: в свое время Фэ Хоу подготовил к этому армию и население.

Сотни легких неуловимых отрядов производили молниеносные вылазки во вражеские гарнизоны – и бесследно исчезали в непроходимых чащобах. Фэ Хоу организовал карательные рейды, но это не помогло.

Война велась с переменным успехом – Фэ Хоу не давал себе спуска.

В то же время он тайно вел переговоры – от имени Ци –

с уцелевшими аристократами пяти царств – с целью заставить их поднять восстание против Хань. Дворяне тяжело переживали, что их ханьские победители не умертвили их (новаторство Фэ Хоу), не дав исполнить долг перед своим побежденным сюзереном – они сами мечтали о восстании, но боялись имперской мощи и не верили в успех.

Тогда Фэ Хоу пошел на крайние меры. Он отобрал лучших из воинов Ци, величайших в военном искусстве – тех, что умели не дышать, протискиваться сквозь стены, и перемещаться по воздуху. Он приказал им пробраться в Пу-Цзин и водрузить знамя над хрустальным дворцом императора.

Как командующий Хань, он сделал все, чтобы этого не произошло, но знамя не менее секунды держалось на дворцовом шпиле.

Весть о водруженном знамени разнеслась по Поднебесной. Аристократы пяти царств воспряли духом и восстали против Хань.

Фэ Хоу было нужно, чтобы между шестью царствами был заключен общий союз. Чтобы добиться этого, необходимо было проявить максимум дипломатического таланта. Никогда доселе ни одно царство не заключало ни с кем не только военного союза, но даже кратковременного перемирия. Все войны для каждого заканчивалась так: либо царство уничтожало врага – либо враг уничтожал царство. Третьего исхода никто не мог себе помыслить.

Так было раньше – но теперь существовал пример Ци,

много лет бывшей в мире со своими соседями.

И вот что пришлось им по душе – сам Фэ Хоу будет за них. Военный союз был создан.

Понимая, что с шестью царствами и – пусть даже тайно – с самим собой во главе войска ему не справиться, Фэ Хоу отдал приказ сдать Пу-Цзин противнику и перейти к партизанской войне. Ситуация повторилась словно в зеркальном отражении.

Объединенная армия шести государств вошла в пылающую столицу Хань. В городе не было ни одного человека. Императора Фэ Хоу лично увез на далекий остров Жэ Го, которым издревле владела его семья. На острове была благоустроенная вилла и император мог жить в подходящих своему статусу условиях. Но перед тем полководец забрал с острова Лунь Хэ, царя Ци.

Захватив Пу-Цзин, коалиция шести царств развалилась в считанные дни. Каждый из царей хотел быть во главе армии – и чтобы все остальные подчинялись ему. Испокон веку в Поднебесной мечтал об этом каждый правитель.

Здесь дипломатических способностей Фэ Хоу явно не хватало. Вскоре каждое из царств воевало за себя. В Поднебесной продолжалась междоусобная война.

Поначалу она велась на территории Хань, но вскоре армии отошли в пределы собственных царств – их силы были равны.

Меж тем в сознании военных стратегов Поднебесной происходил сдвиг. Цари осознали, что есть явное преимущество в заключении мира – пусть краткого – с каким-нибудь царством. А еще лучше сразу с несколькими. Совместными усилиями легче разбить врага.

Цари стали создавать военные блоки – и стали побеждать. Дело стронулось с мертвой точки. Но как только речь заходила о дележе добычи или об управлении захваченной страной – блоки сразу разваливались.

Фэ Хоу понял, что час настал.

Он вез императора в заново отстраивающийся Пу-Цзин. В дороге они коротали время в беседе. Фэ Хоу сказал:

– Государь, опять, как и встарь, идет война семи царств.

– Мы, конечно, побеждаем? – осведомился Жуань Жэнь.

– Да, государь... – кивнул Фэ Хоу. – Как обычно...

– Прекрасно! И как скоро ты завоюешь Поднебесную?

– Очень скоро...

– Поторопись.

– Слушаюсь.

Какое-то время они молчали.

– Государь, – обратился Фэ Хоу.

– М-м?

– Вы знаете, теперь в моде новая военная тактика.

– Тактика?

– Да. Создавать военные союзы.

– Союзы?

– Да, государь. Это когда два или больше государств воюют вместе против остальных.

– Как это – вместе?

– Они не воюют друг с другом.

– Что! – взвизгнул Жуань Жэнь. – Не воюют? Жалкие выродки. Собаки. Бабы. Выроденцы. Они не воины – их нужно истребить – в Поднебесной им нет места!

– Совершенно верно, государь.

И опять воцарилось молчание. Жуань Жэнь хмурился, кусал губы. Потом он задал неожиданный вопрос:

– Зачем ты рассказываешь мне это, мой храбрый полководец? Уж не думал ли ты заключить мир с одним из этих выродков?

– Нет, государь, ни в коем случае. Только с Ци.

– Как! – заорал император. – Унизиться до заключения мира! Позор воину!

– Государь, послушайте меня. Здесь есть один нюанс.

Жуань Жэнь прищурился.

– Что еще за нюанс?

– До нынешнего времени все заключали между собой лишь кратковременные военные союзы – всегда направленные против определенной страны. Единственное государство, у которого был долгий мир *со всеми* – это Ци.

– Выродки... – пробормотал император.

– Совершенно верно. Так вот. *Теперь* в знак *особого ува-*

жения они хотят заключить мир *только* с Хань.

– *Только* с Хань?

– Да, государь.

– В знак *особого* уважения?

– Совершенно верно.

В конце концов полководцу удалось уговорить императора заключить мир с Ци.

Теперь главное было сделано. Фэ Хоу больше не нужно было воевать против себя.

Поднебесная была завоевана молниеносно.

Так великий полководец сохранил верность господину, спас свою родину, и победил в войне, которую вел против себя самого.

Позже Фэ Хоу спросил Лунь Хэ, царя Ци:

– Что же именно говорила великая книга судеб Ши Бао?

– «Пять царств будут покорены и наступит мир,» – процитировал Лунь Хэ. – В книге не говорилось о шести. Когда я прочел это, то задумался. А когда вышел из раздумья – решил привнести в Поднебесную идею мира.

– М-м... – попробовал подсчитать Фэ Хоу. – Да. Точно так и получается...

А потом он предложил царю водки. Тот посмотрел на бутылку, открыл и понюхал. И сказал:

– Хм. Бутыль из тыквы, затычка из пробки, водка из риса.

Настояно на женьшене. Уж не из Су-Тяня ли?

– Да, государь. Из Су-Тяня.

– Как поживает дяденька?

– Прекрасный Путь, – улыбнулся Фэ Хоу.

И они выпили.

Так перестало тяготеть над Поднебесной древнее проклятье солнцеликого змея Ту Кхе, и эпоха Хань вошла в фазу Ци – время мира и спокойствия.

Июльская фантазия

«В поэме «Одиссея» древнегреческий поэт Гомер изобразил в образе несчастного циклопа самого себя.»

Заслуживающие доверия источники.

Давно уже Г. А. Печорин оставил всякую надежду где-либо спастись от скуки, которая столь сильно любила его, что сделалась со временем его вторым «я».

Но когда приехал он в Пятигорск и нанял квартиру на самом высоком месте, у подошвы Машука, то почудилось ему, что «верно было бы весело жить в такой земле».

Впрочем, чувство это испарилось за считанные дни, пока Г. А. развлекал себя привычным образом – ссорил меж собой одних, подбивал на непоправимые глупости других, выставлял в наихудшем свете третьих. Он умело губил репутации и разбивал сердца.

И снова, как прежде, ему помогала таинственная сила, изобильно преподносившая ему один за другим счастливые обстоятельства, раскрывая чужие тайны, даруя сатанинскую власть над людьми, и выводящая каждый раз его сухим из воды. Не раз было, что дело доходило уж до дуэли, но тут равных Печорину, пожалуй, что было не найти.

Скука немедленно воцарилась вновь в его сумрачной ду-

ше.

В один из июльских жарких дней, изнывая от злой хандры, не выйдя противу обыкновения из дому, он накропал в своем блокноте небольшой опус. Вдохновил его на это Кавказ, Пятигорск – совсем еще молодой, как его называл сам Г. А., «новенький городок».

«Этот Пятигорск, – говорил Печорин своему приятелю доктору Вернеру, – я бы сравнил с молодой девушкой. Теперь еще она невинна и чиста, но не успеете оглянуться – и вот она уж развращена, превратилась в повидавшую виды, никому не нужную потаскуху. Скоро уж никому она не будет интересна. Посмотрите вокруг. Скоро так будет, разве не так?»

Он видел себя старым опытным обольстителем, потерявшем вкус к жизни – ему в ту пору было двадцать пять лет.

«Что ж могло бы спасти меня от вечной моей холодной скуки, от невыносимого трезвого взгляда на царство людей?» – раздумывал Г. А.

И Печорин вспомнил о поэзии. Ранее он встречал в петербургских салонах людей с бледным лицом и горящим взором. «Этим людям чужды страсти суетного света, а если даже и нет, – размышлял он, – то их всегда спасало бы излюбленное занятие, которому посвятили они свою жизнь.» Таковыми представлялись ему поэты.

В опусе своем в тот июльский день он попробовал изобразить человека, принадлежащего поэтическому миру.

Личность своего героя, Г. А., оставаясь верным себе, наделил привычной своею болезнью – мизантропией. В результате создаваемый им образ, приобрел что-то байроническое. Печорин решил поместить его на свое место, совместить обе биографии в нынешнем времени – так его литературный отпрыск оказался на Кавказе. Но в отличие от своего автора он был сослан в действующую армию за стихотворный памфлет, направленный против самодержавия, – такая идея родилась у Печорина, когда вспомнил он о Пушкине и Радищеве.

...

Печорин не на шутку увлекся своим замыслом. Осознавая, что характеры выдуманного поэта и автора слишком схожи, он пускается на разного рода ухищрения. Супротив своей старинной исконно русской фамилии дворянской он дает поэту фамилию иностранную – Лермонтов. Он заставляет своего героя быть необдуманно грубым с окружающими, наделяет его неуправляемыми прямою и непосредственностью – не в радость другим и во вред себе. Того, на что оказывался способен поэт, никогда не мог себе позволить расчетливый дипломат и великий лицемер Печорин.

Почувствовав, что выдуманный персонаж гораздо более уместен времени и месту, чем его автор, Г. А. стал испытывать раздражение. Его злило в герое опуса все – прямота, безыскусность, поэтический талант, свобода (внутренняя, разумеется) от общества. И от женщин. Печорину казалось это счастьем.

– Такой долго не протянет, – пробормотал он, растерянно разглядывая перо. – Такого быстро зашибут... зашибут...

Он отложил перо, схватил из вазы яблоко и стал ходить по кабинету из угла в угол.

«За что бы его убил, к примеру, я, – раздумывал он. – У нас не было б никаких общих интересов. Я бы ненавидел его молча – что толку в действиях, когда он сам выставляет себя на посмешище. Он бы ненавидел меня и... о! нашел!.. он бы оскорбил меня!.. написал бы эпиграмму. Или вывел бы в каком-нибудь опусе. Мне пришлось бы вызвать его на дуэль. И, конечно, он бы погиб...»

– Как это было бы прекрасно – погибнуть на дуэли! – воскликнул Г. А., которому жизнь столь часто была в тягость, что он начинал уж ненавидеть свое дуэльное счастье.

И Печорин принялся писать сцену поединка между собой и поэтом. Перо весело летело по белому полю, за окном весело щебетали птицы, и вот уж поэт убит.

– Ч-чорт подери! – воскликнул автор, когда бездыханный поэт лежал у подножья Машука, – да ведь так выходит, что я его обессмертил. Как мсье Дантес Пушкина. Да-с... не больно-то я оригинален в сочинительстве.

Он посмотрел на листки, исписанные ровным мелким почерком, и нахмурился пуще прежнего.

– Чем это я тут занимался? – рассердился он. – Если поглядеть на это трезво, то выходит, что я сочинил историю о том, как запятнал свое имя, ослабил свой род. Да, никак

иначе! Ведь кто ж поэтов убивает!..

И он отмахнулся от листков, как от досадного наваждения. Потом позвал денщика и приказал тому забрать бумажки. На пыжи.

Осенний вечер в Ялте

*«Если улица пуста, а ты слышишь
нарастающий гул мотоциклетного мотора —
глянь вверх...»*

«Выживание на улице и дома.» Часть 1

Поздней осенью в Ялте паршиво. То есть все хорошо поздней осенью в Ялте – но как-то паршиво. Невозможно никакими словами передать это, поэтому мы и не будем – просто поверьте на слово.

Одним пасмурным вечером Коля заглянул в гости к Вагифу, человеку восточному и невменяемому, но очень гостеприимному. За окном капал дождик. Вагиф был Коле рад, попоил его чаем со сладкой пастилой, предложил вина, а когда Коля отказался – травы.

Коля отказался и от травы, и тогда Вагиф стал что-то рассказывать – то ли анекдоты, то ли дикие истории из жизни общих знакомых. Но вскоре он заметил, что Коля клюет носом.

Хозяин растерянно поглядел вокруг – чем бы развлечь гостя, а заодно и себя самого, – и тут его взгляд упал на компьютер.

– Ага! – возбужденно потер он руки. – У меня есть новая игрушка!

– «Стрелялка»? – очнулся Коля, в ужасе перехватив Вагифов взгляд в сторону компьютера.

Вагиф призадумался.

– М-м... может быть на верхних уровнях... – пробормотал он, – не знаю, не доходил...

Нужно отметить что «стрелялки» и «рубилки» вызывали у Коли одинаковое отвращение. Так было всегда – как минимум со времен «Принца Аравии». А значит, всегда. Потому что времена «Принца Аравии» – времена доисторические, и никто уже давно не помнит, как тогда вообще люди жили.

Так вот, «стрелялки» и «рубилки» – те, что со временем возмужали, окрепли, виртуально усовершенствовались – и превратились в «Doomlike» и (или «Tomb-riders»). Коля ненавидел их всеми фибрами своей души. Во-первых, его от них тошнило. Физически. Потому что они олицетворяли примитивность сознания, являли собой воплощение приземленности вкуса, и царство тупоголовости – а посему смертной тоски. Во-вторых, «стрелялки-рубилки» зацапали себе добрую половину прогрессивного человечества, сиречь молодежи. А за такое уже можно и ненавидеть. Всеми фибрами.

Но Коля был юноша интеллигентный, хоть и неврастеник, – держал свои чувства при себе...

«Странно, – подумал Коля, – не „стрелялка“... а что же тогда?»

Вагиф лучезарно улыбнулся:

– Вообще-то это «рубилка»!

Коля скорчил кислую мину и схватился за виски (он был силен по части жестикуляции):

– Не-е-ет, не хочу!

Вагиф обиженно уставился на Колю.

– Да ты посмотри, истерик! Ты хоть сначала посмотри, блин! Знаешь какая там графика? Ты такой не видел! На двух гига идет! – и он в буквальном смысле слова раздулся от гордости.

– Ну конечно! – заныл Коля. – Если идет на двух гига, то я должен пустить слюну... И кстати, мне вообще плевать на твои гига...

– Ты сноб, блин! – темпераментный Вагиф со скоростью света погружался в пучину обиды. Его лицо уже окрасилось в серый цвет.

– Я – сноб?! – чуть не засмеялся Коля. – Дурак что ли? Ну вот я Голливуд обожаю, например! Какой же я сноб после этого? Да у меня вульгарный вкус!.. И вообще, от сноба слышу, понял?

Но непрошибаемый Вагиф из обиды вылезать не собирался. У него даже начало дергаться веко. Нужно было срочно что-то предпринять. «Черт, какая жалость! – обламывался Коля. – Хотел приятно провести вечер, посидеть. Идти-то ведь все равно некуда...» И тогда он сказал себе: «Ну старик, что тебе стоит сделать вид...»

– Давай показывай! – вздохнул он.

– Вот смотри! – прошептал Вагиф, и превратился в зомби. Лицо его замерцало неоновым светом.

– Что это?

– Вот это... нача-а-ало... – нежно приговаривал Вагиф. – Видишь, тебе дают оружие... Что возьмем? Меч? Или... что это? Ага, сабля! Во какая!.. Блин... А, вот! Булава! А?

– Да бери что хочешь!

– Тогда булава. По-о-ошли-и-и, – сладострастно протянул он.

И Коля увидел замковый коридор с арочными сводами, гобеленами и витражами, с дубовыми дверьми и изящными канделябрами.

Вагиф уже молотил кого-то изо всех сил своей булавой. Вот и первая кровь. А вот еще один невзрачный солдат бросается на нас. Забьем и его до смерти. И еще один...

Да, графика и вправду была офигительной. То есть, по сути-то, не наличествовало никаких существенных, принципиальных изменений даже в сравнении с ветхим предначальным «Doom»-ом – «рубилка» она и есть рубилка, «doomlike» он и в Африке «doomlike»... Но фактура!.. Иногда даже казалось, что отдельные части виртуального пространства – настоящие, а вовсе не компьютерные. Ну, вы понимаете...

Минут пять это забавляло. Но потом Коля зевнул, силуэт Вагифа куда-то поплыл... Стало скучно...

– А это жар-птица! – возвратил его к жизни Вагифов голос. – Ее нужно обязательно пойма-а-ать... Она нам еще

пригодится...

Коля посмотрел на экран. Жар-птица была сделана изумительно: она была полупрозрачна, но при этом переливалась всеми цветами радуги, движения ее были плавны (не то, что у солдат). При этом она норовила «вас» клюнуть... «Интересно, – почувствовал интригу Коля, – как она пригодится?»

– А зачем она потом нужна? – спросил он Вагифа.

– Она... – с трудом выговорил Вагиф, все силы которого были брошены на добивание очередного солдата, – в конце уровня без нее не победить...

– Кого?

– Какую-то зверюгу, – пожал плечами Вагиф и накинул сеть (Alt-R) на жар-птицу.

Коля был разочарован. «Всего-то... Обычная фигня... Дешевый прикол под сказочное средневековье... Эксплуатируют фэнтези...»

– Понял? – сказал Вагиф. – Ну давай теперь сам.

И он подтолкнул к Коле клавиатуру.

Коля походил по залитым кровью залам и коридорам первого уровня (Вагифова работа), побил витражи, пощупал стены, попытался открыть двери. «А есть какие-нибудь потайные ходы, лазы – с сюрпризами? – интересовался он. – Не одно же здесь мочилово? Ведь замок же! Для замка-то не солидно чтобы одно мочилово, для замка-то одно лишь мочилово как-то примитивно...»

Но ничего больше не было. «Что же – тут больше никаких

игровых возможностей нет?» – возмутился Коля. Он всегда искал в «Doomlike”ах какую-нибудь запрятанную альтернативную игру. Но не было ее. И это было возмутительно.

«Боже, чем я занимаюсь? – горько удивился Коля. – Да ну к черту – этих мудацких жар-птиц Alt-R’ом ловить! И у Вагифа этого ловить, как видно, тоже нечего! Пойду-ка я лучше!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.